

ЮРИЙ ОЛЕША

*Воспоминания
и публицистика*

ФТМ

УДК 82-821
ББК 84(2Рос-Рус)6
О-53

Олеша Ю.

О-53 Воспоминания и публицистика / Юрий Олеша. — М. :
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2024. — 250 с. — (Серия «Литера-
тура и искусство»).

ISBN 978-5-4467-3686-7

Юрий Олеша известен прежде всего как талантливый писатель — прозаик, поэт, драматург, чье новаторское, точное, искрящееся блестящими метафорами слово проложило новые пути в русской литературе советской эпохи. Однако сам автор большое значение придавал публицистике, дорожил своими критическими статьями, считая их «близкими к самому главному в своем художественном творчестве».

В настоящий сборник вошли воспоминания Олеша о его современниках, статьи о русских и зарубежных писателях и деятелях театра, рецензии на конкретные произведения и свободные рассуждения об искусстве слова как таковом. Это тексты, в которых творческая фантазия художника уступает место пытливому наблюдению, строгой мысли, вдумчивому анализу окружающих явлений. Не связанные между собой ничем, кроме личности автора, они раскрывают для нас его творческие искания и интеллектуальные обретения, его личное и глубокое отношение к миру и слову, запечатлеваящему этот мир.

УДК 82-821
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-4467-3686-7

© Олеша Ю. К., наследники, 2024
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2024

ВОСПОМИНАНИЯ

Эдуард Багрицкий

В 1915 году в Одессе был издан ряд поэтических альманахов. Я помню три названия: «Серебряные трубы», «Авто в облаках», «Чудо в пустыне».

В одном из них было напечатано стихотворение Эдуарда Багрицкого «Суворов».

В нем были такие строки:

В серой треуголке, юркий и маленький,
В синей шинели с продранными локтями,
Он надевал зимой теплые валенки
И укутывал горло шарфами и платками.

В те времена по дорогам скрипели еще дилижансы
И кучера сидели на козлах, в камзолах и фетровых шляпах;
По вечерам в гостиницах веселые девушки пели романсы,
И в низких залах струился мятный запах.

Когда вдалеке звучал рожок почтовой кареты,
На грязных окнах подымались зеленые шторы,
В темных залах смолкали нежные дуэты
И раздавался шепот: «Едет Суворов!»

Это стихи восемнадцатилетнего поэта. Мне и теперь они кажутся замечательными по ритму, лиричности и вкусу, с которым они написаны. Так начинал Багрицкий.

Он жил на Ремесленной улице, в затхлой еврейской квартире, с громадными комодами среди темных углов... Это было очень неудобное, мертвое жилище:

Еврейские павлины на обивке,
Еврейские скисающие сливки,
Костыль отца и матери чепец
Все бормотало мне:
— Подлец! Подлец!

Так он изобразил свое детство впоследствии в страшном стихотворении «Происхождение». Когда он лежал в больнице, перед смертью, в последнюю свою ночь, он сказал сиделке: «Какое у вас лицо хорошее, — у вас, видно, было хорошее детство, а я вспоминаю свое детство и не могу вспомнить ни одного хорошего дня».

Какое ж надо было иметь замечательное дарование, чтобы, вспоминая детство, в котором не было ни одного хорошего дня, сказать о нем так:

Стучал сазан в оконное стекло;
Конь щебетал; в ладони
Ястреб падал;
Плясало дерево,
И детство шло.

Как это хорошо сказано — в чисто поэтическом смысле, в смысле применения метафоры — о коне, что он щебечет, и о дереве, что оно пляшет.

Я долго дружил с Багрицким. Он был для меня просто Эдька. Мы все немножко подтрунивали друг над другом, все не слишком серьезно относились друг к другу, — я говорю о группе поэтов: Катаев, Багрицкий, я, Зинаида Шилова, Адалис, впоследствии Кирсанов. Мы все не слишком уважали друг друга. Я, конечно, всегда знал, что Багрицкий первоклассный поэт, но теперь я как-то по-новому прочел

его книги, и в них обнаружили для меня совершенно исключительные вещи.

Любовь?
Но съеденные вшами косы;
Ключица, выпирающая косо;
Прыщи; обмазанный селедкой рот
Да шеи лошадиный поворот.

Так, ненавидя прошлое свое и все, что в нем было, — в данном случае женщину, — каким страшным увидел это прошлое поэт! Нельзя подобрать более страшного образа, чем съеденные вшами косы.

Зеленый огонь на щеке,
Обвисли косые усы,
Зрачок в золотом ободке
Вращается, как на оси,

так Багрицкий описал карпа. Можно приводить без конца строки. Например, начало припадка астмы:

...Тишина.
Солнце кипит в каждом кремне,
Но глухо, от сердца, из глубины,
Предчувствие кашля идет ко мне.

И сызнава мир колюч и наг
Камни — углы и дома — углы,
Трава до оскомины зелена,
Дороги до скрежета белы.

Умение найти единственное, нужное для данного случая слово достаточное и необходимое — есть умение, принадлежащее только высокому мастеру.

Так Багрицкий определил максимальность зелени — оскоминой и максимальность белизны — скрежетом. И все

это в плане всего стихотворения, где описывается припадок астмы: оскоми́на, скрежет.

Когда мы были молодыми, Багрицкий, такой же молодой, как мы, пропагандировал среди нас хорошую поэзию. Мы впервые слышали от него стихи Иннокентия Анненского, Пастернака, Асеева, Петникова, Хлебникова, Ахматовой, Вячеслава Иванова, Белого, Гумилева, Клюева, Нарбута, Мандельштама. Маяковский, который долгое время был непонятен нам, стал доходить до нас благодаря работе над нами Багрицкого. Он всегда был прекрасным чтецом. Мы впервые слышали от него так называемое поэтическое чтение стихов, которое буржуа называли подвыванием. Теперь никто не спорит против этой исключительной значимости для стихов манеры чтения. Многие превосходные актеры говорили мне, что чтение поэтами собственных стихов поразительно по ритмичности и темпераменту и что никакой актер не прочтет стихов так, как читает их поэт. В особенности так, как их читал Багрицкий. Он преображался. Начинали сверкать глаза. Он как-то запрокидывал голову, как бы захлебываясь и протягивая руку с несколько неправильно выдвинутым пальцем.

Багрицкий знал наизусть бесконечное множество стихов — старых поэтов, современников, русских и иностранных. Вообще знание литературы и богатство его памяти в этом отношении было поразительно. Читатель он был страстный. Любовь к чтению продолжалась до последних дней. Как и у всех нас, у него были свои золотые книги. Золотой книгой его был Стивенсон. Никогда нельзя было успеть что-нибудь показать ему. Все лучшее он находил первым. Летом 1933 года я позвонил ему: «Прочти „Охотников за микробами“ Поля де Крюи». И, конечно, больше всего ему понравилась история шлифовальщика линз Антона Левенгука, который изобрел микроскоп.